

ОТЗЫВ

на магистерскую работу (ВКР) «Акафист преподобному Гавриилу (Ургебадзе) на церковнославянском языке: особенности гимнографического жанра в свете критического анализа текста» студента Сретенской духовной семинарии
чтеца Д.Л. Филатова.

Представлена работа на 122 страницах, включающая введение, четыре главы, заключение и список литературы (27+87 [sic, принцип разделения неясен]).

Первые две главы посвящены истории бытования акафиста в русской богослужебной традиции, а также вопросам композиции и поэтики акафиста как особого гимнографического жанра. Автор справедливо отмечает, что жанр акафиста своим источником имеет Великий акафист. Однако в целом материал первых двух глав показывает, что автор не знаком с наиболее актуальными исследованиями, посвященными этому базовому для жанра тексту. Не учтены следующие работы:

– кандидатская диссертация иером. Тихона (Воробьева) «Акафист Пресвятой Богородице в греческом и славянском богослужении византийского обряда (IX–XV вв.)» (защита прошла на диссовете МДА 12 декабря 2019 г.; текст доступен на сайте МДА с октября 2019 г.: https://mpda.ru/wp-content/uploads/2019/10/tihon_dissertacija_compressed.pdf).

– монография Т.С. Борисовой «Текстология церковнославянских переводов византийских гимнографических текстов по спискам Триоди постной XII–XV веков». Новосибирск: РИЦ НГУ, 2016. Также ряд её же статей, касающихся текстологии славянских переводов Великого акафиста в старопечатных изданиях и рукописях XV–XVII вв. (в списке литературы учтена её статья «Акафист Пресвятой Богородице и его история», но к последней нет обращений в сносках ВКР, а фактологические ошибки автора¹ заставляют сомневаться в использовании данных из указанной статьи).

Важно заметить также, что монография А.В. Попова «Православные русские акафисты, изданные с благословения Святейшего Синода. История их происхождения и цензуры, особенности содержания и построения» привлекается в ВКР по изданию Казань, 1903. Однако для современного исследователя доступно новое дополненное² издание этого труда под редакцией свящ. Ф. Людоговского и свящ. М. Плякина (М.: Издательство МП РПЦ, 2013).

В дополнение к сказанному нужно подчеркнуть, что автор не использует данные из статьи об авторе первых акафистов – патриархе Константинопольском Исидоре Вухире³ (его имя вообще не обозначено в работе). Это не позволило магистранту четко обозначить первоначальный объем текстов акафистного жанра, написанных патр. Исидором и появившихся на рубеже XIV–XV вв. в славяно-русском переводе. В 1-й главе относительно Канонника 1407 г. сказано: «... помещены Канон Похвальный с Акафистом Божией Матери, каноны (sic) Архистратигу Михаилу, Иоанну Предтече, Свт. Николаю. Уже к XVI в. на Руси бытовало около десяти торжественных гимнов, появлялись сборники» (с. 9). Во второй иная

---

1 Например, автор говорит, что структурно акафист включает кукулий и 25 чередующихся строф (с. 16), тогда как число строф без учета кукулия – 24. Автор не упоминает о том, что кондаки и икосы Великого акафиста восходят к жанру кондака (особому виду проповеди в стихах), развившемуся в V–VII вв. в византийской гимнографии. Эти и ряд других особенностей Великого акафиста подробно описаны Т.С. Борисовой.

2 В основной текст внесены редакторами как исправления и дополнения, так и необходимые примечания. Расширены сведения справочного аппарата в приложениях.

3 Православная энциклопедия. Т. 27, с. 198–200. Раздел «Гимнографическая деятельность».

информация: «... акафисты (Иисусу Сладчайшему, св. Николаю, архистратигу Михаилу) появляются лишь в XIII–XIV веках. К середине XV в. было создано, по меньшей мере, 11 новых текстов» (с. 14).

Как видим автор путается в терминах, называя гимны патр. Исидора то «каноны», то «акафисты». Дело в том, что этим гимнографом изначально были составлены (конечно, не в XIII в., как пишет магистрант, а во второй четверти XIV в.), и в последствии переведены русскими книжниками на церковнославянский язык⁴ только «кондаки с икосы» (или просто «икосы»)⁵, посвященные седмичным памятям Октоиха на будние дни (понедельник – архистр. Михаилу, вторник – св. Предтече Иоанну, среда – Успению Пресвятой Богородицы, четверг – свв. апп. Петру и Павлу, а также свт. Николаю; для пятницы, очевидно, по традиции использовался Великий акафист). Также патр. Исидор составил акафист св. Предтече Иоанну (т. е. полную службу), где включены по 6-й песни канона иные «кондаки и икосы», не имеющие строфических ключей, подобных икосам Великого акафиста. До полного седмичного цикла наши книжники первоначально расширяют набор текстов за счет творений свт. Филофея Коккина: служба всем святым для субботы, а для воскресного дня – «Акафисто Живоносному Гробу и Воскресению Господа нашего Иисуса Христа» (т. е. полная служба).

Автор называет в качестве оригинальных славянских акафистов только тексты XVII в., относя их весьма абстрактно к «досинодальной эпохе» (с. 9). Однако уже около середины XV в. написаны оригинальные славянские «кондаки с икосы» составленные по образцу и как дополнение «Исидоровских» священноиноком Мартирием из обители Киево-печерской: всем святым для субботы (в дополнение службы всем святым патр. Филофея) и для воскресного дня – свт. Иоанну Златоусту. Кроме того в третьей четверти XV в. написаны вторые «кондаки с икосы» Успению Пресвятой Богородицы свт. Феодосием (Бывальцевым), митр. Московским (скорее всего, когда он пребывал «на покое» в Чудовом монастыре с 1464 по 1475 гг.). В начале XVI в. Фр. Скорина составил два акафиста, авторство которых подтверждает его имя, скрытое в акrostихе строф (доктор Францискус Скоринич).

Указанные выше ошибки и противоречия в первых двух главах данной ВКР появляются не только из-за неучтенных сведений, но еще и потому, что использованные автором статьи об акафисте⁶, как жанре церковных песнопений, имеют весьма существенные погрешности источниковедческого плана. Это можно показать на примере акафиста Иисусу Сладчайшему, который следует назвать образцовым текстом жанра во всех отношениях (язык, поэтика, стиль, богословие – все показывает духовное преуспевание автора вкупе с его исключительным даром гимнографа). Данные источников показывают, что акафист Иисусов не встречается ранее печатного издания «Акафисты» Киев, тип. Лавры, 1625. Списки этого акафиста в рукописях восходят к киевскому изданию, либо к изданию «Акафисты и каноны» Вильно, тип. Св.-Духова братства, 1628. Исследование О.А. Родионова⁷ показывает, что изначально

4 Судя по языковым особенностям перевода, это следует отнести к последней четверти XIV в., скорее всего к кругу свт. Киприана, митр. Московского, и тому времени, когда он пребывал в Киеве с 1383 по 1390 гг., ожидая возможности вернуться в Москву.

5 Акафистом тексты этого жанра стали называть лишь в XIX в., тогда как в XIV–XVIII вв. термином «акафист» (в рукописях можно встретить названия-синонимы: «акафисто», «служба акафисто», «служба несъдальна») все рукописные и старопечатные источники именовали полную службу по образцу Службы акафиста в субботу 5-й седмицы Поста. Приведем пример из жития прп. Сергия: «бѣ бо ему обычай: по вся дни пояше благодарныя каноны Пречистей, еже есть Акафисто».

6 А именно: прот. Максима Козлова «Из истории акафиста» (ЖМП, 1992, № 3) и Православной энциклопедии (Т. 1. С. 371–381).

был славянский текст⁸, а греческий перевод икосов Иисусу Сладчайшему впервые появляется в составе отдельного издания службы Нерукотворному образу Спасителя в XVIII в. (Венеция, тип. Н.Глики, 1745)⁹.

Неизвестно на каком основании автор берется утверждать, что «Акафисты предназначались не для келейного чтения, а для молебного пения» (с. 9). Известные источники свидетельствуют о противоположном. Существует два предисловия к сборникам келейного правила (оба – киевского происхождения) с циклом акафистов на всю седмицу в составе: одно примыкает к собранию священноинока Мартирия¹⁰, и, судя по стилю, тоже принадлежит его перу, второе – анонимно¹¹. Оба составлены не позже сер. XV в. и ясно свидетельствуют об изначальном келейном употреблении икосов: «в келии своей вечер по нефимонѣ. став пред образы святых икон. и трие поклоны створше. аще есть мощно до земли. и тако откровенною главою стоя да изглаголеть икосы...»¹². Для молебного пения традиционно использовались каноны, как можно видеть на примере устава «како пети каноны на молебнех» (составлен в 1497 г.) свт. Геннадия (Гонзова), архиеп. Новгородского (до поставления был архимандритом Чудова монастыря, т. е. представитель московской книжности).

Помимо неактуальности и ошибок в научных данных в первых главах встречаются и разного рода погрешности на уровне понятийного аппарата (языка науки), из которых принципиальный характер имеют следующие:

1. сбита логическая последовательность в терминах, когда автор для общего понятия «богослужebные гимны» перечисляет, по его мнению, виды гимнов (с. 6): «это тропари праздников, а также каноны и хвалебные молитвословия. Одним из подобных гимнов является акафист...». Если канон и акафист (в современной терминологии) – это отдельные и равноправные жанры гимнографии, то тропари нужно отнести к более мелкой структурной единице, а выражение «хвалебные молитвословия» наоборот – понятие такое же общее, как «богослужebные гимны», которое оказывается к тому же абстрактно-неопределенным. Т.е. автор не ощущает видовой иерархии богослужebных гимнов.

2. сообщая о редакциях Великого акафиста автор повторяет (с. 8) нелепое утверждение, что таковых «известно около тридцати». Текстология славянских списков, рассмотренная Т.С. Борисовой в указанной выше монографии, доказывает существование

7 Родионов О.А. К истории перевода Акафиста Иисусу Сладчайшему на греческий язык (XVIII–XX вв.) // Каптеревские чтения. Сборник статей. Вып. 16. М.–Серпухов: ИВИ РАН, 2018. С. 306–318.

8 «Итак, мы констатировали практически не оспариваемое в наши дни отсутствие греческого текста этого акафиста. Каких-либо средневековых и даже поствизантийских рукописей, содержащих что-либо напоминающее “утраченный греческий оригинал”, до сих пор не обнаружено. В то же время, внутренние свидетельства текста заставляют видеть в рассматриваемом гимне произведение славянских книжников» Родионов О.А. К истории перевода Акафиста Иисусу Сладчайшему... С. 308.

9 Ακολούθια τοῦ ἁγίου Μανδηλίου. Ἐνετίησιν, 1745.

10 Например в рукописи РГИА, ф. 834 оп. 1 № 435. Канонник (XVI в.): Последование о стихословии икосов (Л. 145 об.). Последование в этом и всех других известных источниках следует сразу после Правила (акафиста) свт. Иоанну Златоусту, что показывает их единовременное происхождение.

11 Находим его в сборниках: РГБ, собр. Московской духовной академии фонд. (ф. 178.1) № 77. Сборник свт. Серапиона, архиеп. Новгородского. Посл. четв. XV в.; ГИМ, Синодальное собр. № 470. Сборник правила келейного на четыре седмицы. Кон. XV – нач. XVI.

12 Из «Последования о стихословии икосов» (РГИА, ф. 834 оп. 1 № 435. Л. 145 об.–146 об.). Во втором тексте «Предъсловие божественнаго предания св. отецъ» читаем: «Молися убо по вся часы и не стужи си моляся, а не ленися любимиче, якоже молитва оставяеть грѣхы. Кый трудъ есть молитися в тисѣ и свѣтлѣ и безмолвнѣм мѣстѣ, стояще предъ образомъ Господа нашего <...> И моля в молитвѣ своей, призови скорую помощницу – Пречистую Богородицу, и Предтечу, апостолы же и святителя, и всѣхъ святыхъ...» (РГБ, ф. 178.1 № 77. Л. 417 об.).

только шести редакций, из которых распространение в славяно-русских источниках получили всего четыре¹³: Триодная, Афонская, Русская, Никоновская. Здесь же (с. 8) автор говорит: «Древней редакцией, которая воссоздает алфавитный стих (акростих, краегранесие), считается “Шафарикова Триодь”, представленная в болгарских рукописях XII века». Таким образом он не различает понятия «редакция» от конкретной рукописи (одного из списков Акростишной редакции) – Шафариковой Триоди (РНБ, Ф.п.1.74. Триодь постная и цветная. Кон. XII – нач. XIII в.), которая названа по имени владельца. Это действительно болгарская рукопись рубежа XII–XIII вв. Другие списки Великого акафиста в Акростишной редакции найдены, например, в Триодях: РНБ, Ф.п.1.68 (сербск., XIII–XIV вв.) и ГИМ, собр. Щукина 388 (болг., XIII в.), что не позволяет произвести обобщение о списках Акростишной редакции, какое сделал автор: «представленная в болгарских рукописях XII века».

Третья глава посвящена общему анализу композиции и поэтики акафиста прп. Гавриилу (Ургебадзе). Порядок рассмотрения отдельных элементов в 3-й главе соответствует их составу и перечислению во 2-й главе. И если вопросам композиции здесь уделено достаточно внимания, то относительно поэтики текста можно констатировать большой пробел. Рассмотрены только жанровые особенности, например параллелизм членов в парах херетизмов. Между тем не обозначены те принципы поэтики богослужебных гимнов, которые являются общими для текстов во всех жанрах церковнославянской гимнографии. Фундаментальное значение имеют следующие принципы, которым не уделено особого внимания в ВКР:

1. традиционность текста, под которой понимается следование образцам: на уровне топики фраз, грамматических конструкций, литературных образов и т. д., взятых из Священного Писания, богослужебных текстов типикарного круга (сюда входит Великий акафист), лучших образцов святоотеческих творений. В названном плане ориентация на тексты того же жанра (акафисты преподобным) оказывается на последнем месте в силу их вторичности по отношению к перечисленным пластам текстов традиции.

2. фактор ритма, поэтических связей внутри фрагментов (строфы, тропаря и т. п.) конкретного гимна (параллелизм, хиазм, триады); взаимодействие/организация ряда фрагментов гимна на разных уровнях (синтаксические и лексические параллели, единство системы образов внутри песни канона или пары строф кондак/икос).

Именно эти принципы нарушены кардинально в исследуемом тексте акафиста прп. Гавриилу. Отчасти это отражено в ВКР, однако бессистемно и не прямым образом. Например, автор воспринимает отсутствие факторов ритма в строфах как излишнюю объемность текста, его перегруженность деталями. Называя проблему «громоздкость строф» автор пишет: «это замечание касается икосов акафиста, в которых зачастую слишком объемны как повествовательная, так и прославляющая части» (с. 32). Правильнее было бы определить проблему как отсутствие поэтического ритма и поэтического каркаса внутри строф.

По этой причине рассматриваемый текст лишь условно относится к жанру акафиста. При формальном соблюдении композиции (количество строф, наличие рефренов и херетизмов) не наблюдается поэтической структурированности текста. Последний представляет собой повествовательный пересказ жития с добавлением похвал без заметной организации по принципам поэтики.

---

13 Акростишная редакция осталась неизвестной для русской книжности, как и Тырновская редакция патр. Евфимия, которая отразилась лишь как текстологический след при смешении с другими редакциями.

В связи с выше сказанным находится методологическая ошибка автора, который пытается привлечь для сравнительного анализа максимальное число акафистов¹⁴ в честь преподобных отцов. Такой объем текстов вряд ли можно качественно проработать даже в рамках кандидатской диссертации. Следовало бы, взяв совет у гимнографов, выбрать для сопоставления несколько лучших, образцовых акафистов. При этом не стоит ограничиваться текстами в честь преподобных, хотя бы потому, что наиболее удачный из трех акафистов прп. Сергию Радонежскому составлен его автором монахом Сильвестром (Медведевым) с большой долей заимствования херетизмов (как перефразируя их, так нередко даже без изменений) из «исидоровского» акафиста свт. Николаю Чудотворцу.

Что касается принципа традиционности текста, то весьма уместна следующая параллель: текст акафистного гимна – словесная икона святого. Как написание иконы должно быть выстроено в соответствии традициям иконографического канона, так же и акафист – в соответствии с канонами церковной поэтики и языковых средств. Этот ключевой момент автору следовало хотя бы обозначить в теоретической части, разобрав ритмику одной из строф какого-либо акафиста с образцовым строем (например, гимна Иисусу Сладчайшему). Если об этом не говорится, можно заключить, что деградация гимнов в части поэтики стала нормой.

В четвертой главе представлена основная часть работы – прикладная. Здесь автором предложены результаты критического анализа и исправления текста акафиста прп. Гавриилу. На уровне поэтики регулярно проведены, пожалуй, лишь переработки начала строф ради введения в них лексем в соответствии строфическим ключам Великого акафиста. Удачными их трудно назвать из-за искусственности, либо нестыковок на уровнях грамматики, синтаксиса и поэтики. Искусственность дает видеть сопоставление образцовых текстов – Великого акафиста и Иисусу Сладчайшему:

– «Боготечную звезду» / «Боготочною кровию» (кондак 5) – без буквального повторения лексем (которое механически производит автор ВКР), параллелизм ключей остается лишь на фонетическом уровне, доминантой оказывается соответствие главной теме кондака;

– «Новую показа тварь» / «Дивную показа тварь» (икос 7) – изменение лексемы в строфическом ключе обусловлено поэтикой строфы, т. е. главное – не точное повторение лексических форм ключа Великого акафиста, а соответствие содержанию, центральной теме.

Нестыковки проиллюстрирую на примерах новой редакции, предложенной в ВКР:

Кондак 1. *И́збра́нный свѣтѣло рѣдѣ ѿвѣрикагѣ вощѣаля ѿ сѣн...* Для согласования группы подлежащего по роду ожидалось: «Избранное светило», либо «Избранный светильник»¹⁵, а для согласования со сказуемым явно нужен сравнительный оборот: «**Яко** избранное светило... воссиял еси».

Икос 1. *А́ггѣла дерзнове́ннаго лѣвѣ на́миз гдѣ тѣ ѿкѣ прѣбѣка ѿлю...* В предложенном выражении не устраивает с точки зрения поэтики следующее. Во-первых, порядок слов нужно изменить в согласии с традиционным для церковнославянского: «Ангела **тя** дерзновенна яви нам...». Во-вторых, нельзя указать в богослужебных текстах словосочетания «дерзновен-

14 В списке литературы их 22, в тексте работы указано иное количество: «К анализу привлекается двадцать акафистов преподобным отцам, в соответствии с которыми будет совершено редактирование» (с. 46).

15 Если выбирать между «светилом» и «светильником», хотя это синонимы в церковнославянском, то преимущество у последней лексемы, поскольку у носителей русского языка архаизм «светило» ассоциируется с солнцем.

ный ангел» (действительно, может ли быть бездерзновенный ангел? И именно в силу того, что ангелы все совершают по воле Божией и Его силой). В корпусе церковнославянского языка¹⁶ поиск дает лишь одно вхождение, и то не в пользу искомой фразы: «На высотѹ мученія твоегѡ вознесшутися, *агѣль* явлься, тебѣ *дерзновенна* устрояеть, страстотерпче еѡѡухіе» (Минея, 9 апреля), т. е. ангел делает дерзновенным мученика Евпсихия. Выход один – опять использовать сравнительный оборот, возможный вариант: «*Яко* ангела *тя* дерзновенна яви нам Господь, *уподобился бо еси ревностію* Илии Фесвитяину...».

Весьма печально, что автор не использует возможности подбора элементов традиции (лексики, словосочетаний и фраз) через поиск в электронном *корпусе церковнославянского языка*, о котором упомянуто выше. Это упущение лишило автора первостепенного для его работы инструмента.

Замечания относительно анализа и исправлений акафиста, предложенным в ВКР:

1. Вовсе не встречается исправлений, касающихся богословского содержания. Между тем богословски сомнительные фразы в акафисте присутствуют. Примеры из 1-го икоса: (а) сказано, что прп. Гавриил посвятил себя Богу, «от страстей греховных <...> *избавляя нас*» – т. е. посвящал себя с этой целью? (б) «радуйся, во *брани с богоборцами* Христа Спасителя истинный служителю» – написавший это забыл, либо не знает апостольское учение: «*несть наша брань* к плоти и крови» (Еф. 6:12), т. е. «истинный служителю Христа Спасителя» призван сражаться не с людьми¹⁷, но с грехом, со своими страстями и диаволом.

2. Автор апеллирует при исправлении выражений к традиционным текстам («широту сердца» исправлено на «чистоту сердца» с отсылкой на Мф. 5:8). Однако такого рода правка не носит регулярный характер, что показывает необходимость сказать об этом принципе в теоретической части (глава 3) и систематически учитывать при критическом анализе. Например, оставлено выражение «отеческое дерзновение» (кондак 1). В корпусе богослужебных текстов встречаем только «матернее дерзновение» (о молитвах Богородицы к Спасителю), а также дерзновение святых (пророческое, мученическое, благочестивое, непобедимое).

3. Методологической ошибкой считаю исключение автором «излишних» местоимений в форме «наш» на том основании, что «повествование уже построено от первого лица множественного числа» (с. 48). Во-первых, прибавление формы «наш» имеет усилительное, эффатическое значение. Это признает и сам автор страницей далее для выражения «отче наш Гаврииле» (с. 49). Во-вторых, поэтика богослужебных текстов нуждается в подобного рода «излишествах», как например тропари канона Иисусу Сладчайшему имеют по 3–4 обращения в каждом тропаре, или же как молитва «Господи помилуй» повторяется то однократно, то 3, 12, 40, 50 раз. Поэтому для гимнографии общий принцип смысловой избыточности не работает.

4. Автор старается исправлять грамматические связи на уровне морфологии (соответствие окончаний), однако оставляет без особого внимания связи синтаксические. Например, союз «оба́че», который носит противительное значение, либо противопоставление, оставлен там, где отсутствует противопоставление: «посвятился еси служению Богови. *Оба́че* и по кончине... печешися о людех» (икос 1). Исправления здесь требует и фразеологизм «посвятить себя служению Богу», который только морфологически славянизирован, тогда как богослужебные тексты знают только оборот «посвятити себе Богу», да и то только в новых служ-

16 Подкорпус в составе Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru/new/search-orthlib.html>).

17 Гебраизм «плоть и кровь» означает человека, ср. : «не *плоть и кровь* открыли тебе <...> но Отец» (Мф. 16:17).

бах русским святым. В традиции церковнославянских текстов с семантикой «посвящения» употребляется оборот «предати ся/себе»: «Предавь ся Богу» (Нестор, Житие прп. Феодосия).

5. Лексические замены в тексте ради устранения русизмов не доведены до конца. Для кондака 3-го автор предлагает два удачных исправления («захватиша» на «отъяша», «учи-ниша» на «воздвигоша»), используя интуитивно, кстати сказать, не описанный в работе принцип обращения к текстам традиции. Однако в тексте оставлена фраза «впитал еси источник жизни вечныя», где форма перфекта образована от современного «впитывать». Строго говоря, здесь вся фраза в силу своей неясности требует замены или изъятия.

Есть неудачные замены, как, например во 2-ом иконе: «Издетска <...> далече от всякия детския безпечности» на «Разум имея лишен всякия детския праздности» (с. 55). Лексема «праздность» редка для богослужебных текстов, в которых характерно ее употребление лишь для молитвы прп. Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего, дух праздности» (от греч. ἡ ἀρῦία – бездействие, праздность, лень). Автор заменяет «безпечность» на «праздность», опираясь на словарь Дьяченко. Слово «праздность» не было в дониконовском варианте молитвы, как нет его в «Материалах» Срезневского и «Словаре русского языка XI–XVII вв.». Т. о. «праздность» – такой же русизм, как «безпечность», и автор заменил «шило на мыло», да и смысл выражения «разум лишен праздности» весьма туманный. Для гимна вместо объяснительной конструкции можно предложить более свойственную стилю акафиста: «Разум имея издетска не детскоумный...» (лексема «Дѣтскоумный» взята из словаря Срезневского) по примеру топики образца – «Разум недоразумеваемый разумети...».

Регулярно в тексте акафиста оставлена лексема «святость» (икосы 1, 2, 11, 12), которая, хотя и встречается в церковнославянских текстах (преимущественно в новых), но заметно понижает стиль. Традиционно в церковных текстах для понятия «святость» встречаем лексему «святыня»: в Апостоле 14 раз по отношению как к Богу, так и к людям, против 1 раза «святость» – к людям. Такая частотность свойственна для всего корпуса текстов в целом (507 вхождений против 45). Образцовые славянские акафисты тоже оказываются в русле традиции: например, акафист патр. Исидора свт. Николаю «Радуйся, *святыни* чистое и честное жилище». Проблема выбора лексемы для этого случая не обозначена в работе, хотя в иных местах автор подбирал более архаичные формы слов.

Заключение предельно сформулировано предельно кратко, и настолько обобщенно, что не приведены даже количественные показатели исправлений. Качественные характеристики не имеют структурированности, обозначены лишь на отдельных примерах.

Общие замечания по оформлению и тексту работы:

– автор довольно часто допускает речевые ошибки, приведу некоторые:

в работе читаем	по-русски
образы благовоний <i>указуют</i> на... (с. 22)	указывают
<i>подвизание</i> в иноческом делании (с. 28)	ревность к подвигу
<i>широкие</i> дополнения (с. 51)	пространные
<i>труднодоступную</i> структуру (с. 54)	запутанную, неоправданно сложную
<i>произведен ввод</i> нового слова (с. 54)	[в текст] внесено новое слово
<i>разное определение</i> (с. 111)	различный смысл
смысл некоторых фраз, <i>чья</i> двусмысленность (с. 112)	двусмысленность которых

– автор не владеет навыком морфологического разбора: считает «пламен-» корнем (с. 32), тогда как однокоренное «пламя» показывает, что корень «плам-» + суффикс -ен-.

– не соблюдены требования к оформлению научных работ: (а) вложенные кавычки используются однотипные (с. 3, 15, 20, 27), тогда как внешние и внутренние должны различаться; (б) при многоточии стоят еще и запятыя (с. 14, 25), но запятая поглощается многоточием; (в) подстраничные библиографические описания не должны содержать поля «издательство» – только место и год; (г) повторные ссылки на ту же работу должны приводиться в сокращенной форме: «Там же. С. ХХХ»; (д) сбой принципа нумерации в оглавлении.

– анонимные/ «пустые» сноски: (а) дважды «Конференция “Современная православная гимнография”» (сн. 36, 38). Автор, название доклада? (б) во многих сносках на электронные ресурсы не проставлен адрес ссылки.

– небрежность форматирования текста: сноски после церковнославянских цитат отмечены тем же шрифтом (UCS), что и текст – поэтому не читаются.

Вывод по представленной на проверку ВКР: автор не справился с написанием 1-й главы (ее лучше исключить вообще), и отчасти 2-й. Прочие главы нуждаются в существенной доработке и исправлении. Возможная причина – недостаток, либо отсутствие контакта с научным руководителем. Хотя автором положено много труда, считаю, что он переоценил свои силы, и в настоящем виде работа не готова к защите.

18 мая 2020 г.

иеромонах Далмат (Юдин)

Московская духовная академия

к.б., ассистент кафедры филологии